

Украины составила 635,9 млн. руб., в 1944 г. – 2513,0, в 1945 г. – 2680,3 млн. руб. Таким образом, в результате военных действий и временной оккупации роль Украины в продовольственном балансе Союза ССР заметно снизилась.

В историографии традиционно принято считать, что в годы войны в наибольшей степени пострадало хозяйство оккупированных территорий. Однако данные о валовом производстве свидетельствуют, что разница между оккупированными территориями и теми, где не было военных действий, часто была незначительной. Так, в 1945 г. размеры аграрного производства в Азербайджане, Грузии, Киргизии и Узбекистане по сравнению с 1940 г. снизились на 30,0 – 35,0 %. В Туркмении они уменьшились даже на 42,0%. А вот в освобожденной от оккупации Белоруссии объем сельскохозяйственного производства уменьшился только на 38,0%. Что касается прибалтийских республик, то размеры производства в них к концу войны даже возросли. Таким образом, из полностью оккупированных в годы войны республик больше всего сельское хозяйство пострадало в Молдавии, Украине и Белоруссии, меньше – в Прибалтике. Значительно сократилось сельскохозяйственное производство и в республиках, территория которых не стала ареной военных действий. В Казахстане и республиках Средней Азии в 1944 г. его объемы составили 70,0 % довоенного уровня, в республиках Закавказья — 82,0 %.

Табл. 1

*Валовая продукция сельского хозяйства
(в ценах 1926/27 гг., млн. руб.)*

В первые послевоенные годы сельское хозяйство Украины постепенно восстанавливалось. Однако только 1948 г. и особенно 1950 г. оказались для него удачными. В 1950 г. довоенные размеры аграрного производства в республике были заметно превышены, удельный вес Украины в общесоюзном производстве восстановлен. В начале 1950-х гг. развитие аграрного сектора в Украине продолжалось, в результате как абсолютные размеры производства, так и его роль в общесоюзном балансе возрастали.

За годы Великой Отечественной войны в Украине произошли большие изменения в удельном весе производителей сельскохозяйственной продукции. До войны свыше 60,0 всего аграрного производства приходилось на колхозы. Кроме того, 7,1 % продукции сельского хозяйства давали

Год	СССР	Украина	Украина, % к СССР
1940	22035,4	4872,8	22,1
1943	10495,6	635,9	6,1
1944	13396,2	2513	18,8
1945	14217,3	2680,3	18,9
1946	13813,3	2343,4	17
1947	18051,5	3491,4	19,3
1948	21702,9	4671,4	21,5
1949	23584,1	3885,6	16,5
1950	24402,8	5120,8	21
1951	24227,4	5396,8	22,3
1952	25427,1	5745,2	22,6

государственные хозяйства (совхозы и подсобные хозяйства промышленных предприятий), треть продукции производили индивидуальные хозяйства населения (колхозники, рабочие и служащие, единоличники). В 1945 г. удельный вес госхозов остался практически на довоенном уровне, доля колхозов сократилась до 45,0%, а вот роль индивидуального сектора, особенно хозяйств единоличников, заметно возросла. В 1945 г. в своих хозяйствах колхозники произвели 22,1 % валовой продукции сельского хозяйства Украины, рабочие и служащие – 4,7%, а единоличники – 20,1%.

В послевоенные годы в результате проведенной в областях Западной Украины коллективизации, доля колхозного сектора в республике превысила довоенный уровень. В 1952 г. на него приходилось 66,2% всего сельскохозяйственного производства Украины. Удельный вес хозяйств колхозников, рабочих и служащих несколько уменьшился, несмотря на значительный рост объема производства в них. Абсолютные же размеры производства в хозяйствах единоличников сократились в 40 раз. В результате доля хозяйств единоличников составила всего четверть процента общего объема аграрного производства Украины [1, 24-25; 2, 17-18].

1. *Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ).* – Ф. 1562. – Оп. 324. – Д. 3752.
2. *РГАЭ.* – Ф. 1562. – Оп. 324. – Д. 4174.

Т. Д. Надькин

ГОЛОД 1946 – 1947 ГОДОВ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОРДОВИИ)

Победоносное окончание Великой Отечественной войны, несмотря на огромные людские и материальные потери, внушало простым советским людям гордость за свою социалистическую Родину, оптимизм и надежду на скорое улучшение жизни. Однако ухудшение отношений с западными странами и начало “холодной войны” привели к тому, что приоритетами экономической политики государства стало восстановление, прежде всего, военно-промышленного потенциала, помощь в укреплении дружественных режимов не только в Восточной Европе, но и в других регионах мира. Интересы же собственного многомиллионного крестьянства по-прежнему оставались на одном из последних мест. Политика “закручивания гаек”, отказ от хотя бы минимальной “либерализации” сельской жизни самым негативным образом сказались на развитии сельского хозяйства, тем более что первый послевоенный год отличался самыми неблагоприятными погодными условиями.

Засуха 1946 г., которая сначала охватила Молдавию и Украину, а затем и основные зерновые районы России стала огромным бедствием для послевоенной советской деревни. Под ее ударом оказалась и территория Мордовской АССР. В засушливые 1921 и 1924 гг. на ее территории осадков выпало гораздо больше, чем за тот же период 1946 г. [1, 352]. Со второй декады мая по вторую декаду июня (то есть 40 дней) совершенно не было дождей

при температуре воздуха в среднем +33,6 0С. “Так, только за 1946 г. совершенно погибло 50,6 тыс. га озимых хлебов или 18,3% всего озимого клена, а остальные посевы оказались настолько изреженными, что урожай их не превышал 20-25% нормального” [2, 92]. Валовой сбор зерновых культур оказался по сравнению с 1940 г. ниже в 5 раз (в 1940 г. – 630 тыс. т., в 1945 г. – 217,0 тыс. т., в 1946 г. – 125 тыс. т. [3, 30]). В 1946 г. в 1 385 колхозах республики из 1623 выдача хлеба по трудодням не производилась, кроме выдачи авансов по 50-150 г в счет 15% отчислений от сданного колхозниками хлеба государству [2, 90].

В Мордовской АССР с начала 1946 г. и по осень 1947 г. в результате засухи и проводившейся политики государственных заготовок без хлеба оказались десятки тысяч человек. Жители русских, мордовских и татарских селений пытались донести до родственников и односельчан, находившихся в вооруженных силах свою боль и надежду на помощь. В течение 1946 г. в армию из Мордовии шли тысячи писем, в которых крестьяне рассказывали о своей беспросветной жизни. Практически все они просматривались органами военной цензуры и, скорее всего, не дошли до адресатов. Так, в ЦГА РМ в фонде Совета Министров МАССР содержатся наиболее характерные выдержки из этих писем, направленные министром госбезопасности МАССР Корниенко председателю Совета Министров МАССР Тингаеву. С жалобами на налогообложение (сведения за апрель – май 1946 г.) было выявлено 1105 писем, с жалобами на материально-бытовые условия и продовольственные затруднения (апрель – август и октябрь 1946 г.) – 7358, с жалобами на плохую работу колхозов и их руководителей (апрель – октябрь 1946 г.) – 1472. По подсчетам, в архивных делах имеются выдержки из писем с жалобами на продовольственные затруднения как минимум из 25 районов Мордовской АССР. Кроме того, в письмах из 17 районов (Ардатовский, Атяшевский, Атюрьевский, Большеигнатовский, Ельниковский, Зубово-Полянский, Ковылкинский, Козловский, Краснослободский, Мельцанский, Майданский, Пурдощанский, Рыбкинский, Саранский, Старошайговский, Торбеевский, Теньгушевский) отмечены конкретные факты отсутствия продовольствия, голода и заболеваний дистрофией.

Приведем отдельные выдержки из этих писем, в каждом из которых – вопль о помощи. Из письма М. И. Киргизовой, с. Чукалы Козловского района (датировано 10 апреля): “Живу очень плохо, хлеба нет, картофеля тоже. Дети голодают. Приезжай быстрее домой, а то я детей отправлю в детский дом, так как я не в силах их воспитать. Детей посылаю собирать, но они не идут” [4, 299]. Из письма Д. А. Калабаевой, с. Сабанчеево Атяшевского района (датировано 15 мая): “Сейчас подошла весна, распускаются листья, и мы переходим на подножный корм. Хлеб едим из одних листьев. Наверное, умрем с них. Митя в школу не ходит, потому что разутый и раздетый” [4, 299]. Из письма П. А. Судаковой, с. Токмово Майданского района (датировано 20 июня): “... Дорогой мой сыночек Коля! Я умираю с голода, нет ни хлеба, ни картошки, и не знаю, где что брать. Продать нечего, заработать негде и некому ... на огородах все посохло, ныне будет большая голодовка. Если есть у тебя деньги, то пришли, я

совсем умираю с малыми детьми с голода. Сама болею, есть нечего, вся распухла...” [1, 47]. Из письма Ф. К. Алемаева, с. Большое Игнатово сыну (датировано 5 августа): “... Уважаемый сын, сообщая, что живем плохо, ждем еще хуже. Урожай плохой, из колхоза ждать нечего, и раньше ничего не давали. Народ бросается кто куда, иначе умрешь с голода. Надо кормиться, да налоги дерут дуром, так что жить невозможно. Что мы сейчас едим, ни животные, ни звери не едят этот хлеб. Жизни здесь нет, и не предвидится, народ пухнет с голода...” [1, 218]. Из письма И. Тряпкина, с. Куликово Торбеевского района (датировано 9 октября): “... Сообщаю о Вашей матери. Мать с сиротами живет плохо. Отец Ваш погиб за Родину, оставив Вас сирот-малых детей и мученицу-мать. Теперь ты уехал защищать Родину, оставив здесь однокровных братьев, сестер и мать на голод... Зимой семья ваша погибнет от холода, мать день и ночь плачет... Если тебе их жалко, то приезжай. Было бы простиительно на Украине, в Белоруссии, где грабил немец, а здесь непростиительно...” [1, 465].

Судя по архивным документам, голод продолжал «гулять» по всем районам республики и в первой половине 1947 г. Тем не менее, благодаря более благоприятным погодным условиям зимы-весны 1946/47 гг., в колхозно-совхозном секторе было собрано в 3,2 раза больше чем в предыдущем году зерновых культур (403,3 тыс. т.), в 2,75 раза больше, чем в предыдущем году было сдано государству зерна (в 1946 г. сдано 52,2 тыс. т, в 1947 г. – 143,8 тыс. т [3, 86]), достигнуто некоторое увеличение поголовья общественного скота в колхозах. Следствием явилось относительное улучшение продовольственного обеспечения рядовых колхозников. В 1948 г. снова отмечается спад сельскохозяйственного производства. Так, валовой сбор зерновых культур фактически упал на уровень 1945 г., составив всего 239,0 тыс. т., ухудшилось положение с выдачей на трудодни хлеба колхозникам [3, 116]. Перед жителями села вновь вставал призрак голода.

Каких-либо кардинальных мер по предотвращению и смягчению тяжелейшего положения государством не предпринималось. Для колхозников, практически ничего не получавших за свой тяжелый труд, единственной надеждой на спасение оставалось личное подсобное хозяйство, но с 1946 г. приусадебные участки колхозников стали обрезать и облагать непомерными налогами, кроме того, каждый двор должен был поставить государству определенное количество мяса, масла, яиц и шерсти.

Сельское хозяйство Мордовии, подчиняясь проводимому во второй половине 1940-х гг. жесткому экономическому курсу, никак не могло преодолеть кризис производства. Во всех грехах колхозов, среди которых не выполнение планов по расширению посевных площадей, спад трудовой активности, низкая урожайность, были обвинены колхозники-«паразиты» и единоличники (“второе раскулачивание” 1948 г.) [3, 31]. Множество ограничений, в том числе подавление любой инициативы, со стороны советской власти привело к тому, что колхозники начали утрачивать важнейшие черты, присущие российскому крестьянству – трудолюбие, хозяйственность и

предприимчивость. Жители села пытались любыми способами выйти из колхозов и уехать в города.

Крестьянство как могло, пыталось сопротивляться неоправданно высокому изъятию ресурсов из деревни в послевоенные годы, “сигнализировать”, что рост насилия со стороны представителей советско-партийных органов и руководства колхозов и совхозов, пытавшихся любой ценой выполнить установки Центра, ведет к деградации сельского хозяйства и гибели сотен и тысяч сельских жителей. На самые вопиющие факты издевательства, особенно над семьями военнослужащих, власть была вынуждена реагировать и наказывать виновных в этом местных руководителей. Необходимо отметить, что без указаний центральных органов, требовавших неукоснительно выполнять различные государственные задания, такого размаха насилия в деревне не было бы.

С победой колхозного строя государство стало полностью контролировать производство хлеба в стране, который бесперебойно поступал из колхозов и совхозов даже в таких чрезвычайных обстоятельствах как война, засуха и голод [5, 182]. Само же крестьянство в сталинское время было фактически превращено, по справедливому замечанию В. А. Бондарева, в зависимое от власти тяглово-податное сословие, наподобие крепостных, получившего в отечественной историографии наименование “колхозное крестьянство” [6, 571]. Натуральная оплата, в основном господствующая в колхозах, не позволяла многим колхозникам, даже вырабатывавших более установленного минимума трудодней, прокормить себя и свою семью. Лишь работа в личном хозяйстве, отдаленно напоминавшем по своей роли хозяйство русского крепостного крестьянина, давало возможность выжить в колхозной деревне.

Только после смерти И. Сталина в марте 1953 г. пришло осознание того, что вариант колхозно-совхозной системы, сложившийся в 1930-е гг. и реанимированный после войны, благодаря которому значительная часть сельского населения прожила два десятилетия в условиях хронического недостатка продуктов питания, обострения инфекционных болезней, неоднократных всплесков смертности от порождаемых голодом болезней в неурожайные годы, к началу 1950-х гг. переживал сильнейший кризис и требовал реформирования. Новым руководством страны стали приниматься действия направленные на изменения системы взаимоотношений власти и колхозного крестьянства, хотя бы частично учитывающей интересы многомиллионной массы сельских тружеников.

1. *Центральный государственный архив Республики Мордовия (далее - ЦГА РМ). – Ф. Р.-228. – Оп. 3. – Д.137.*
2. *ЦГА РМ. – Ф. Р.-228. – Оп. 3. – Д. 138.*
3. *Ломшин В. А. Деревня Мордовии в послевоенные годы / В. А. Ломшин, Т. Д. Надькин; НИИ гуманитар. наук при Правительстве РМ. – Саранск, 2006.*
4. *ЦГА РМ. – Ф. Р.-228. – Оп. 3. – Д. 136.*
5. *Попов В. П. Экономическая политика советского государства. 1946 – 1953 гг. – Тамбов: Изд-во Тамб. техн. ун-та, 2000.*

6. *Бондарев В. А. Фрагментарная модернизация постоктябрьской деревни: история преобразований в сельском хозяйстве и эволюция крестьянства в конце 20-х – начале 50-х годов XX века на примере зерновых районов Дона, Кубани и Ставрополя. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2005.*

З.В. Нечипоренко

“УКРАЇНІЗАЦІЯ” І ЗАБЕЗПЕЧЕННЯ ПРАВ НАЦІОНАЛЬНИХ МЕНШИН ПІВДНЯ УКРАЇНИ В 1920-х – НА ПОЧАТКУ 1930-х рр.

З-поміж багатьох питань, що стосуються історії України 1920-х – 1930-х рр., актуально залишається проблематика, пов’язана з політикою „українізації”. Незважаючи на те, що сучасною українською історіографією на належному фаховому рівні висвітлено практично всі аспекти такого багатогранного явища, як політика коренізації (українізації) в УСРР, найменш дослідженою на сьогодні є українізація і забезпечення прав національних меншин на Півдні України в 1920-х – на початку 1930-х рр. Ураховуючи таку ситуацію, автор запропонованої статті ставить за мету розкрити цей маловідомий аспект такого багатогранного явища, як політика „українізації”. Об’єкт вивчення – політика „українізації”, предмет – забезпечення прав національних меншин на Півдні України в 1920-х – на початку 1930-х рр.

Південь України на початок національної реформи 1923 р. являв собою землі, на яких етносоціальні процеси та етнонаціональні відносини перебували в стані настільки строкатого етнокультурного симбіозу, що про високу стартову швидкість українізації в цьому регіоні навряд чи можна було стверджувати. Його специфіку склали дві особливості. Перша з них полягала в надзвичайно урбанізованій структурі місцевого населення. Вона становила потенціал швидше русифікації, ніж українізації. Це пояснювалося сильними позиціями російської меншини, а також офіційною етнополітикою попередньої російської влади – імперської русифікації. Внаслідок дії останньої місцеві (і не тільки місцеві) росіяни звикли з думкою, що Південь України (як власне і Схід) – це ніщо інше як їхня “національна територія”, а промислові центри цих територій – це місця концентрації російських капіталів, відповідно – людських ресурсів цієї національності та повноцінного розподілу прибутків серед членів цієї ж національності. І хоча щойно представлений історичний сюжет говорить про суто внутрішню психологічну залежність росіян від економічного інтересу у цьому регіоні, це якраз і свідчить про те, що національна реформа українізації розцінювалася ними як свого роду “націоналізація промисловості”, а тому ставлення до такої національної політики з боку росіян було досить ревнивим.

Другою особливістю Півдня України було те, що якраз більш російськомовна його частина – пролетаріат – визнавалася більшовицькою владою основним рушієм прогресу (відома теза про диктатуру пролетаріату), а тому будь-які невдоволення з боку робітничого класу розцінювалися нею як відступ від ленінської